

Турецко-грузинские отношения в контексте этноконфессиональной политики Турции в Аджарии и деятельности Православной Церкви Грузии

Владимир Иванов (Армения)

Турецко-грузинские двусторонние взаимоотношения, вполне динамично развивающиеся практически с момента распада СССР (в более практической плоскости – приблизительно с середины 90-х гг., т.е. после начала процесса «замораживания» этнополитических конфликтов, некоторой стабилизации внутривосточного пространства Грузии, старта по реализации значимых энергокоммуникационных проектов и т.д.), тем не менее не всегда характеризуются лишь положительной составляющей. Одной из тем, вокруг которой время от времени между обеими странами возникает определенное недопонимание, остается вопрос статуса Аджарии, увязываемый с сохранением на его территории исповедующего ислам населения. Причем, данная проблема нередко всплывает во время кризисных для новой грузинской государственности моментов. Как отмечает И. Мурадян: «В период с 1992 по 2003 год Турция трижды вмешивалась во внутренние дела Грузии – и все по тому же поводу ущемления прав Аджарии».¹ До свержения А.Абашидзе в данном регионе явственно прослеживались в основном геополитические интересы двух основных игроков – России и Турции. Однако, в контексте процесса вывода российской военной базы из Батуми, и сворачивания общих грузино-российских связей, Турция становится одним из основных внешнеполитических акторов, задействованных на территории Аджарии. Проявилось это и после «революции роз», когда во время развернувшегося противостояния между Тбилиси и Батуми, турецкая сторона, довольно четко дала понять новому грузинскому руководству, что с пристальным вниманием наблюдает за малейшими изменениями в приграничных с ней районах. Так, посол Турции в Азербайджане Унал Чевикоз заявил 17 марта 2004г. азербайджанским СМИ, что согласно Карсскому договору, подписанному в 1921 г., Турция, в случае кризисной ситуации имеет право ввести свои войска в Аджарию. По его словам, документом предусмотрено аналогичное право и для России. Данное заявление явилось ответом на слова посла Грузии в России К.Кемалария (от 16 марта) по поводу того, что Карский договор, согласно которому Батуми в 1921 году был передан Грузии, Нахичеван – Азер-

байджану, а Карс, Ардаган и Артвин – Турции, уже потерял свою силу.² И хотя уже 18 марта 2004г., глава прибывшей в Грузию турецкой делегации, экс-министр иностранных дел Турции Яшар Якыш отверг возможность военного вмешательства Турции по поводу отстаивания статуса Аджарии, заявив, что «Турция никогда не имела такого намерения»,³ однако, геополитическая важность данного региона не оставляли сомнений в турецкой заинтересованности. Сохранение же автономного статуса Аджарии, при наличии на ее территории исповедующего ислам населения, рассматривалось турецкой стороной в качестве необходимого условия для своего внедрения.

Как известно, территория Аджарии была захвачена Турцией во второй половине XVI века, в результате очередной турецко-персидской войны. В это же время на ее территории стал распространяться ислам (суннизм ханафитского мазхаба). Как отмечают Г.Саникадзе и Э.Уокер: «Регион Аджарии был исламизирован достаточно поздно... Исламизация Аджарии началась после ее включения в состав Османской Империи... и была особенно ускорена после 1820-х».⁴ Однако, после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда в соответствии со Сан-Стефанским договором от 3 марта 1878 г. Аджария вошла в состав Российской империи (что было закреплено и подтверждено также решением Берлинского конгресса и Константинопольским мирным договором от 27 февраля 1879 г.) начался процесс по рехристианизации ее населения. И хотя, и прежде, «В большей части, аджарцы традиционно ощущали себя в качестве грузин (их родным языком являлся грузинский)»⁵, а этно-лингвистические связи преобладали над конфессиональными, однако «в период османского правления, турецкие власти достигли некоторого успе-

¹ Мурадян И. Региональная политика США и Великобритании: Турция-Иран-Южный Кавказ-Черное море. Ер., 2008, С. 113.

² Посол Турции в Баку: «Анкара имеет право ввести войска в Аджарию». www.regnum.ru.17.03.2004.

³ Мурадян И., указ. соч., С. 113-114.

⁴ Sanikadze G., Edward W. Walker., Islam and Islamic practices in Georgia. University of California, Berkeley, Institute of Slavic, East European and Eurasian Studies, 2004, p. 6; более подробно, об истории Аджарии см.: Абашидзе А. Х. Аджария: История, дипломатия, международное право. М., 1998; Маргиев З. Батум во времена Османской империи. Краткий административный, статистический и исторический обзор г. Батума и региона во времена Османской империи. М., 2005.

⁵ Там же, С. 7.

ха в смене политической идентификации».¹ Пребывание в составе Османской империи не могло не наложить отпечаток на политическую ориентацию части населения Аджарии (по крайней мере, на часть ее политической элиты).² Все это проявилось и в дальнейшем. Так, в годы первой мировой войны на части территории Аджарии также велись боевые действия, в результате которых, в боях против русской кавказской армии, на турецкой стороне выступила часть населения данного региона.³ Существовали организации и течения, призывавшие к присоединению к Турции.⁴ Не углубляясь в изложение всех сложных перепитий того времени, отметим лишь, что фиксация автономного статуса Аджарии помещенная окончательно в ст. 6 Карсского договора от 13 октября 1921г., оказалась возможной благодаря сохранению на ее территории исповедующего ислам населения (если быть более точным, то данное обстоятельство было использовано в качестве достаточно действенного предложения). Согласно этому же договору, Турция выступила в качестве гаранта существования автономии.⁵

В годы существования СССР, как сама ситуация с религией, так и возможности политических спекуляций на данную тему, в силу известных причин были весьма ограничены. Обстановка изменилась лишь после начала «перестройки» и последовавшего вслед за этим развала Советского Союза, когда ряд сопредельных с постсоветским пространством стран, получили возможность для осуществления попыток внедрения на его территорию. Одним из таких государств оказалась и Турция. Здесь следует отметить, что непосредственно на момент распада СССР, турецкие политические

круги переживали состояние эйфории по поводу открывавшихся перспектив закрепления собственного влияния в соседних регионах. Как отмечает М.Челикбала: «Впервые, за свою новейшую республиканскую историю, Турция, получила шанс для расширения своей собственной сферы влияния. Развал Советского Союза и появление новых тюрко-мусульманских республик открыли новую цепь возможностей для Турции, чтобы играть важную роль на Кавказе и в Центральной Азии».⁶ Причем, помимо налаживания сугубо политических, экономических и т.д. контактов, широкую практику получило и эксплуатирование религиозного фактора. С этой точки зрения, такая часть Грузии как Аджария, определенный процент населения которой составляли люди, исповедующие (или же, некогда исповедовавшие) ислам, также являлась весьма привлекательной для расширения турецкого влияния. И если в случае с центральноазиатским регионом усердно эксплуатировался лозунг тюркской солидарности, то в случае с Аджарией он был заменен на идею возрождения былой конфессиональной общности.

Не углубляясь в вопрос юридических трактовок положений Карсского договора, отметим лишь, что турецкой стороной изначально предпринимались весьма активные шаги нацеленные на «возврат» грузинского населения этого региона к исламским истокам. Этому обстоятельству в немалой степени способствовал и своеобразный религиозный бум, начавшийся еще в конце 1980-х гг. в СССР и продолжившийся на постсоветском пространстве и в 90-х. Здесь следует отметить, что на начальном этапе, к консолидации определенной части мусульманского населения Аджарии подтолкнули и действия первого президента Грузии З. Гамсахурдия. Слишком прямые и грубые ассоциации грузинской национальной идентичности с православием, к которым прибегал последний, не могли не вызвать ответного противодействия. И уже, 22-23 апреля 1991г. в Батуми демонстранты выступили против попыток правящего в Грузии блока «Круглый стол» насильно христианизировать мусульманское население Аджарии и упразднить автономию.⁷ После этого случая слишком уж бурных массовых волнений, имевших политический характер, но религиозный окрас, в автономии практически не наблюдалось. В период правления А. Абашидзе, умело балансирующего между всеми этно-конфессиональными группами и региональными и внерегио-

¹ Там же.

² Сравни с: Georgi M. Derluguian, "The Tale of Two Resorts: Abkhazia and Ajaria Before and Since the Soviet Collapse", in *The Myth of Ethnic Conflict: Politics, Economics and Cultural Violence*, Beverly Crawford and Ronnie D. Lipschutz, eds., (Berkeley, 1998), p. 276.

³ Арутюнян А. Кавказский фронт. 1914-1917гг. Ер., 1971, С. 160-161.

⁴ Абашидзе А.Х., указ. соч., С. 242.

⁵ Так, в пункте 1, Ст. 6 данного договора сказано: «Турция соглашается уступить Грузии суверенитет над городом и портом Батум и территорией, лежащей к северу от границы, указанной в ст. 4. настоящего Договора и составляющей часть Батумского округа, при условии, что: 1) Население местностей, указанных в настоящей статье, будет пользоваться широкой автономией в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и население будет иметь возможность установить в указанных местностях земельные законы, соответствующие его пожеланиям». (см.: Договор о дружбе между Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР с одной стороны, и Турцией – с другой, заключенный при участии РСФСР в Карсе 13 октября. Док. № 264// Документы внешней политики СССР. Т. IV, М., 1960, С. 423).

⁶ Mithat Celikpala, From a Failed State to a Weak One? Georgia and Turkish-Georgian Relations.//The Turkish Yearbook, Vol.XXXV, http://www.politics.ankara.edu.tr/dosyalar/MMTY/36/7_mithat_celikpala.pdf. p.171.

⁷ Журнал «Власть» № 18 (68) от 29.04.1991.

нальными центрами силы, социально-политическая ситуация в основном была спокойной. Однако, это отнюдь не означало, что в религиозной сфере исподволь не происходило никаких процессов. Наоборот, как уже было отмечено, с распадом СССР, произошел определенный всплеск интереса к религии, чем не преминули воспользоваться не только соответствующие институты и организации, но и действующие под этой вывеской спецслужбы. Основная же конкуренция на этом поприще в Аджарии, негласная, но от этого не менее острая, развернулась между православными и мусульманами.¹

Что касается ислама, то, как было отмечено, исторически сложилось так, что на территорию Аджарии, он, главным образом, был имплантирован из Турции. Распад СССР, параллельно с восстановлением некогда утраченных социальных связей между различными частями Грузии (причем, значительную долю среди грузин Турции составляли потомки переселившихся туда в результате нескольких волн эмиграции аджарцев), создал не только «естественные» предпосылки для налаживания разного рода контактов, но и открыл широкое поле для деятельности как для представителей официального органа – Управление по делам религии Турции (Diyanet Isleri Baskanligi), так и в особенности для членов различных турецких организаций исламистского толка. Одними из первых, проникших на территорию Аджарии проповедников, являлись приверженцы небезызвестного Фетхуллага Гюлена. Причем, первая группа его приверженцев побывала в Аджарии еще до развала СССР. Как отмечает Н.Киреев: «11 января 1990г первая группа миссионеров-исламистов миновала турецко-грузинскую границу через пограничный пункт Сарпи, побывала в Аджарии, Тбилиси, везде встречая дружеский прием. В мае, сопровождаемая караваном машин и автобусом с... подарками, в путь отправилась вторая миссия (37 человек). Она посетила Батуми, Тбилиси, Казань, Гянджу, Баку, Узбекистан, Казахстан и Таджикистан. Так началась миссионерская деятельность общины Гюлена...».² Уже к середине 2000-х гг. в Аджарии, религиозную пропаганду вели проповедники не только Ф. Гюлена, но и приверженцы Сулеймана Хильми

Тунахана (1888-1959 гг.) – другого достаточно автономного последователя проповедника Саида Нурси (1873-1960 гг.). Аспекты их деятельности, и в, первую очередь приверженцев Гюлена довольно многогранны (и зачастую непубличны) и включают в себя пропаганду ислама в собственной интерпретации, рекрутацию молодых людей с целью отправки их на учебу за рубеж, распространение исламской литературы, проведение различных благотворительных мероприятий, помощь при постройке новых мечетей и восстановление старых, основание медресе и т.д. Так, приверженцы ученика Сулеймана – Мустафы Сунгура, имели в пригородах Батуми 6 медресе, ученики Гюлена – 1.³ Кроме данных неформальных организаций, пыталась активизировать свою деятельность также небольшая группа накшбандийцев, предводительствуемая Махмудом Устаосманоглы.⁴

Практически параллельно деятельности данных неформальных исламистских организаций, в Аджарии, как уже было отмечено, начали свою работу и представители Diyanet-a, установившие связи с основанным в начале 90-х гг., официальным органом, представлявшим интересы аджарских мусульман – муфтиятом. Посредством турецкого консульства в Батуми, Diyanet также начал распространять литературу по исламу, посылать священнослужителей в мечети, избирать студентов для учебы на богословских курсах и факультетах Турции.⁵ Так, например, в 2006 г. на учебу в одно из духовных заведений (в Инеголе) Турции было направлено 29 молодых аджарцев.⁶ В 2008 г., главный муфтий Союза мусульман Аджарии Бекир Болквадзе принял решение об отправке из региона 49 молодых людей в Турцию для получения мусульманского образования, в частности изучения Корана.⁷ Таким образом, отсутствие собственных учебных заведений и географическое соприкосновение с Турцией и привели к тому, что первое, постсоветское поколение молодых мусульман вынуждено было получать религиозное образование в последней и тем самым становится в определенной степени проводником интересов турецких клерикальных кругов, что не могло не вызвать опасений со стороны грузинских светских и духовных кругов. Опре-

¹ Аджария (впрочем, как и остальная Грузия) является мультиконфессиональным регионом. Так по данным департамента статистики минэкономразвития Грузии на 2002г., Аджария имела следующую религиозную мозаику: православные – 240 552 чел., мусульмане – 115 161чел., григориане – 3162 чел., католики – 683 чел., иудеи – 161 чел., остальные – 16 297. (см.:<http://www.statistics.ge/files/english/census/2002/Religious%20beliefs.pdf>).

² Киреев Н. Турция в начале XXI века: основные ориентиры политического ислама.// Центральная Азия и Кавказ, № 2 (26), 2003, С. 95.

³ Balci B. Is there a place for islam in Michael Saakashvili's Christian Georgia?//www.caucas.com/home_eng/breve_content.php?id=180.25.08.2005.

⁴ Мкртчян С. Мусульмане Грузии. [http://www.religions.am/index.php?option=com_content&view=article&id=2999:Чрუთუთუბ-ბნუნუბუნბტრრ](http://www.religions.am/index.php?option=com_content&view=article&id=2999:Чრუთუთუბ-ბნუნუბუნბტრრ) &catid=1:2009-02-27-03-45-54&Itemid=11; Bayram Balci, Raoul Motika, Religion et Politique dans le Caucase post-sovietique, Paris, 2007, p. 243.

⁵ Там же.

⁶ www.sngnews.ru.25.01.2006

⁷ см.: Кетеван едет в Турцию? www.golos.am. 22.07.2008.;

деленную поддержку в свое время оказывали и турецкие грузины. Как отмечал зампред Союза мусульман Грузии И. Сайдаев: «Также хотелось бы отметить особую активность грузинской диаспоры Турции, которая занимается переводом и распространением исламской литературы среди верующих в нашей стране. К сожалению, они в основном работают в Аджарии, нежели в других частях Грузии. Но недавно я посетил их центр в Стамбуле, и мы договорились о координации нашей деятельности и о взаимной поддержке».¹

Как бы то ни было, в деле распространения ислама в Аджарии наиболее активно действовал не официальный турецкий орган – Diyanet, а проповедники из неформальных исламских движений. Как отмечает Б. Бальчи: «Действия вышеупомянутых движений являются гораздо более эффективными, нежели Diyanet-а...».² Более того, сами представители Diyanet-а в качестве официального органа подчеркнуто дистанцируются от деятельности нурсистов, предпочитая никак не демонстрировать своих связей с ними. Но, вместе с тем, находящимся в довольно сложных взаимоотношениях с военными кругами в самой Турции нурсистам тем не менее не препятствуется в развертывании масштабной пропаганды всего турецкого в иных местах, что само по себе является весьма удобным, учитывая то обстоятельство, что от их деятельности можно откеститься в любой момент. Таким образом, вне зависимости от того, действуют ли последователи Саида Нурси с их различными ответвлениями в непосредственном контакте и согласии с государственным департаментом Турции по религии и ее спецслужбами или нет, объективно – их деятельность совпадает с преследуемыми Анкарой целями в регионе. А именно, путем реанимации ислама и его дальнейшего распространения – закрепить и собственное влияние в автономии. Более того, можно сказать, что в этом смысле принципиальных расхождений между политикой турецких светско-военных и исламистских кругов по отношению к Южному Кавказу не наблюдалось. Различия быть может коренились лишь в методах, но не целях. Конечно, собственно турецкие источники довольно неохотно и крайне редко говорят (за исключением, разве что, газеты «Заман», врем от времени обращающейся к данной теме) о данном аспекте деятельности турок в Аджарии, однако

ее масштабы все-таки обращали на себя внимание. В этом смысле, одним из наиболее видимых проявлений турецкого внедрения в Аджарию, стал наблюдаемый с середины 90-х гг. довольно бурный рост строительства новых и восстановления старых мечетей и молельных домов. И хотя муфтий Бекир Болквядзе и отрицал чью-либо помощь, заявляя, что «В Батуми действует медресе, которое функционирует исключительно на частные пожертвования. Мы не получаем никакой помощи от иностранных государств. Могу добавить, что также не получаем помощи и от властей Грузии»,³ однако, осуществление подобного рода повсеместного строительства было бы невозможным лишь собственными силами.⁴ Так, по данным СМИ в 2002г в Аджарии насчитывалось 102 мечети,⁵ в 2005г. – около 137,⁶ а в 2006г. – их число достигало 159.⁷ По некоторым данным, на 2008г, в Аджарии насчитывалось уже 175 мечетей.⁸ Правда, по другим данным, количество их в Аджарии, по состоянию на тот же 2008г. не превышало 120.⁹ В этом контексте следует отметить, что данные информационные сообщения несут на себе немалую долю пропагандистской нагрузки. В действительности, в ряде случаев речь идет не о мечетях в классическом смысле слова (вроде центральной батумской мечети Орта Джаме («Средняя»), построенной еще в 1866г., на средства семьи Аслан-бека Химшиашвили), но о неких, приспособленных под молельные дома различных бытовых постройках. Кроме того, несовершенство законодательства, а в ряде аспектов и полное отсутствие необходимой правовой базы, с одной стороны хотя и лимитировали в определенной мере деятельность иных этно-конфессиональных, или просто конфессиональных групп, однако, с другой стороны привели к затруднению формального контроля над несанкционированным строительством и восстановлением разного рода религиозно-культурных (или приспособленных под таковые) построек. Такие вопросы, как сколько из них являлись действительно действующими, а сколько – нет, каково может быть их оптимальное количество для реального

¹ Сайдаев И.: Мусульмане Грузии надеются, что до войны с Россией не дойдет. <http://www.islam.ru/pressclub/gost/saidaev/>.

² Balci B. Is there a place for islam in Michael Saakashvili Christian Georgia? www.caucas.com/home_eng/breve_content.Php?id=180.2 5.08.2005.

³ Аджарские мусульмане в политику не вмешиваются. www.ccrghouse.ge/gazeti/9/3/.htm.

⁴ Так, например, новый минарет Батумской мечети был построен при помощи турок. (см.: Sanikadze G., Edward W. Walker., op. cit., p. 13).

⁵ В мечетях Аджарии изучают арабский язык. www.pravoslavie.ru/02.12.2002.

⁶ www.pravoslavie.ru/10.11.2005/, Аджарские мусульмане в политику не вмешиваются. www.ccrghouse.ge/gazeti/9/3/.htm.

⁷ www.pravoslavie.ru/05.06.2006

⁸ Кетеван едет в Турцию? www.golos.am 22.07.2008.;

⁹ Развитие религии Ислам в Грузии. www.open.az 14.03.2008.

удовлетворения духовных нужд населения – оставались (да и остаются) по-сути открытыми. Отсюда – и такие разночтения в оценках их количества. Сказанное в полной мере относится также и к мусульманским культово-религиозным постройкам на всей территории Грузии. В любом случае, количество различных построек, приспособленных (служащих) под культовые нужды мусульман Аджарии, согласно сравнительно недавним исследованиям Р. Барамидзе, достигает полутора сотен.¹

Появление турецких проповедников, рост количества молелен и т.д., конечно можно было бы интерпретировать и в русле возрождения и дальнейшего укрепления двусторонних духовно-культурных связей, если бы не одно «но»: сами действия соседней Турции на определенных этапах современных грузино-турецких отношений, и откровенные высказывания некоторых лиц. Так, например, председатель «Союза Дружественных отношений с Грузией» адвокат Е. Шекерджи, в одном из своих интервью прямо заявил следующее: «В национальных интересах Турции, чтобы Грузия оставалась мусульманской. Если мусульмане страны примут христианство, то они будут против ислама и Турции. Мусульмане Грузии любят Турцию или, по крайней мере, уважают ее. Но тот, кто примет христианство, начнет защищать официальную идеологию. Поэтому Турция должна продолжить работу с мусульманами Грузии. Турция имеет на это право и это входит в ее обязанности... В этом регионе основой автономности является ислам. И если они уничтожат ислам, значит они уничтожат и автономию».²

Таким образом, являлось очевидным, что Турция, исходя из своих интересов, стремилась к достижению следующих тактических целей, которые целиком укладывались в ее стратегию в данном регионе:

- 1) Поддерживать наличие мусульманской общности в Аджарии.
- 2) Политизировать по возможности ислам.
- 3) Достигнуть, утраченной в годы советской власти возможности по формированию протурецкой ориентации у части населения и элиты.

Тем самым, создавалась возможность как для влияния на дела в автономии, так и, в дальней перспективе, наряду с расширяющимися экономическими связями – для отрыва данного региона от Грузии и превращения его в исключительно зону турецкого влияния. С этой точки зрения, какими бы сомнительными не выглядели положения Карсского договора, однако само

сохранение ислама на территории Аджарии является необходимым залогом для различных будущих спекуляций по поводу ее статуса.

Однако, деятельность различного рода турецких организаций не является полностью беспроблемной. Практически с самого начала, турецкие проповедники столкнулись с лимитирующим воздействием иной влиятельной силы – Православной Церкви Грузии, чья деятельность на начальном этапе синхронизировалась с развернувшимся со второй половины 80-х гг. националистическим движением, органичной частью пропаганды которого являлась апелляция к религии и православию.³ Роль и значение ГПЦ возросли еще больше после того, как 14 октября 2002г. был подписан Конституционный договор (так называемый «грузинский Конкордат») между государством Грузия и Православной Церковью Грузии, ратифицированный парламентом Грузии и Священным Синодом 22 октября 2002г.⁴ Действуя не столь прямолинейно как сторонники З. Гамсахурдия, и не ставя в лоб вопроса «Кто вы? Турки или грузины?», последняя сумела добиться определенной степени духовно-культурной консолидации аджарцев с остальной Грузией. Апелляции к их историческому прошлому со стороны ГПЦ были более гибкими, и не носили характер явных противопоставлений. Так, во время одного из своих посещения Батуми патриарх Илия II заявил: «Люди, живущие здесь, являются нашей кровью и плотью. Многие когда-то насильственно перешли в ислам, но они отлично знают свои корни и где есть наше спасение... Это христианский регион, и благодарение Богу этот народ снова исповедует веру своих предков».⁵ Таким образом, не отрицая факта мультиконфессиональности Аджарии, ГПЦ вместе с тем подчеркивала его христианское прошлое, несравненно более древнее, нежели ислам.⁶

Вместе с тем, деятельность ГПЦ не исчерпывалась целями, направленными лишь на возврат населения к его христианским истокам, т.е. – сугубо религиозной составляющей. Активная проповедь ГПЦ обуславливалась также пониманием политической специфики данного

³Сравни с: Челидзе А. Этнический национализм в духовенстве Грузинской Православной Церкви// Южный Кавказ: Территории. Истории. Люди. Сборник статей, №2. Тбилиси: Фонд Г.Белля, 2006, с.137.

⁴ Текст соглашения, см. на официальном сайте Патриархата Грузии: <http://www.patriarchate.ge/en/?action=eklesia-saxelmcifo>

⁵ Tamta Khalvashi, Nutsa Batiashvili, 'Can Muslim be a Georgian?' Historic Overview of Discourse on Georgian 'Essence' <http://api.ning.com/files/Can Muslim be a Georgian.doc>, p. 16)

⁶По преданию, христианство в Аджарии начало распространяться еще в I в., усилиями апостолов Андрея Первозванного и Матфея.

¹ Цит. по резюме на англ. яз.: Baramidze R., Islam and the Muslims of Adjara (Historical-Ethnographic and Social-Cultural Aspects), Batumi, 2008, p.261.

² www.milligazette.com.04.11.2006.

региона Грузии. Так, С. Инаишвили (сопредседатель отдела евангелизации Батумо-Схалтской епархии Грузинской Православной Церкви, редактор журнала «Путь к храму» и в прошлом министр сельского хозяйства и министр образования Аджарии) отмечал: «В Советское время мы осознавали, кто мы, откуда и куда должны идти. Но были коммунистами. С одной стороны, многие отрицали мусульманство из-за сильной антитурецкой пропаганды. Ведь тогда Турция входила в состав НАТО и являлась врагом СССР. С другой стороны, из-за атеистической пропаганды к православным мы идти тоже не хотели. При этом некоторые области Аджарии, например, приграничная с Турцией зона была очень мусульманской и опасной. (выделено мною – И.В.) В 1991 году Грузия провозгласила независимость, изменилась политическая ситуация, возможным стало возвращение к истокам... Кроме того, христианизация Аджарии связана с национально-освободительным движением Грузии. Проходила она на волне горячего энтузиазма трудами нашего патриарха, владыки Димитрия (Шиолашвили), а тогда просто отца Давида, и священников-подвижников – отцов Григория Абуладзе, Захария Перадзе, Серафима Беридзе, Мириана Самхарадзе».¹ При этом, как не трудно было заметить, грузинские священники старались вести проповеди именно в мусульманонаселенных районах Аджарии, в частности, в Хулойском и Кедском районах, большую часть населения которых составляли люди, исповедовавшие ислам. Как отмечает М. Пелкмэнс: «православная церковь рассматривала Хуло в качестве главного места для своей миссионерской деятельности в Верхней Аджарии».² Так, уже в конце 80-х гг. в Хуло были открыты духовное училище и гимназия, а в Батуми – духовная семинария и гимназия.³ Несколько позже – Схалтский монастырь. Тогда же, широкую практику приобрела организация обряда массовых крещений. Так, 1 июня 1989г. в Батумском соборе Пресвятой Богородицы крестилось 5000 чел., в Схалте в тот же день – ок. 500⁴ В том же году был открыт Схалтский

¹ Никифорова А. Православное возрождение в Аджарии <http://www.newsgeorgia.ru/geo1/20060527/41734739.html>; <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=364&did=1119> В начале 60-х гг. XX века, одним из мест служения будущего патриарха Илии II, был Батумский кафедральный собор. (см.: Колесников Л. Религиозная обстановка в Грузии// Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2, М.: РИСИ, 2002, с. 322);

² Mathjis Pelkmans, Baptized Georgian: Religious conversion to Christianity in autonomous Ajara/Max Planck Institute for Social anthropology working papers, 71 p. 6,

³ Колесников Л., указ. соч. с. 322.

⁴ Праздничное крещение в Аджарии. www.regio.ru. 10.05.2005.

монастырь. 13 мая 1991 года крестились пять тысяч мусульман и атеистов в Батуми.⁵ Практика массовых крещений была продолжена и в дальнейшем. Так, уже в 2003г в Сарпи (на самой турецко-грузинской границе) было крещено 300 лазов.⁶ Параллельно с этим, происходил процесс и переселения под разными предлогами мусульман Аджарии в иные регионы Грузии и заселения на их место грузин православного вероисповедания.

Деятельность ГПЦ еще более активизировалась после успешного «аджарского похода» новой власти. Если А.Абашидзе предпочитал сохранять баланс между всеми конфессиональными общинами, то после «революции роз» новая светская власть, в силу необходимости приобретения поддержки ГПЦ, поначалу весьма охотно принимала участие в организуемых последней разного рода мероприятиях. Так, например, в том же 2004г., на церемонии закладки фундамента церкви в Сарпи, посчитали необходимым присутствовать многие грузинские светские лица, во главе с премьер-министром Грузии, ныне покойным – З. Жвания.⁷

Здесь отметим, что в том же, 2004г., было смещено руководство мусульман Аджарии. После отставки муфтия Аджарии Хаджи Махмуда (Автандила) Камашидзе, имел место некоторый разброд во мнениях связанный с тем, что наиболее популярный кандидат Зураб Цецхладзе, получивший образование в Турции рассматривался новыми властями слишком протурецки настроенным. И потому, новым (7-м) муфтием стал более умеренный Бекир (Бежан) Болквадзе.⁸ Подвергся реорганизации и сам официальный орган мусульман Аджарии – муфтият, приняв более централизованную и иерархическую форму.⁹ Подобные действия свидетельствовали о желании новых властей поставить под более четкий контроль мусульманское духовенство – по крайней мере, его официальных представителей.

⁵ Никифорова А. Православное возрождение в Аджарии. <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=364&did=1119>

⁶ <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=363&did=1286>.

⁷ У грузино-турецкой границы началось строительство православной церкви - первой за 600 лет. www.abkhaziainfo.org. 02.09.2004).

⁸ см.: Saakashvili's Ajara Success: Repeatable elsewhere in Georgia?// EUROPE Briefing. Tbilisi/Brussels, 18 August 2004, International Crisis Group, p. 3.

⁹ Мкртчян С. Мусульмане Грузии. http://www.religions.am/index.php?option=com_content&view=article&id=2999:ჭრუანჭაბე-მონუმენტები&catid=1:2009-02-27-03-45-54&Itemid=11

Все это, наряду с вводом 5 мая 2004г. президентом М. Саакашвили в Аджарии прямого президентского правления (как тогда заявлялось: «до новых выборов главы автономии»), которые, как известно, до сегодняшнего дня так и не состоялись), иными законодательными изменениями, и рядом факторов (исключительный правовой и политический статус ГПЦ, перед иными религиозными конфессиями, дававший ей явные преимущества для легальной пропаганды своих взглядов, толерантность самих аджарцев, отличное знание специфики региона и личностные характеристики ряда высших духовных иерархов Грузии и т.д.), когда, по-сути, автономия Аджарии приобрела символический характер, и обеспечило реальный перевес ГПЦ в ее борьбе за души населения Аджарии. И потому, с 2004г., деятельность ГПЦ была продолжена с новой энергией, что наиболее наглядным образом выразилось в продолжении использования практики массовых крещений. Так, 1 июня 2004г., в день прихода св. Равноапостольной Нины в Грузию в с. Звара (Кедский район) было крещено более 1000 чел.¹ 17 июня 2004г., по инициативе Республиканской партии состоялось крещение 200 чел., из жителей аджарского села Чхутумети, расположенного в ущелье реки Чолохи. Здесь же, в считанных километрах от границы с Турцией, был воздвигнут 15-метровый крест.² 7 мая 2005г. в Шуахеви (Оладаури) была открыта церковь св. Георгия и крещено 200 чел.³ 27 мая 2006г. в самом Батуми прошла церемония крещения 50 мусульман.⁴ В июле 2006г. состоялось третье массовое крещение в Кобулету, в результате которого 300 мусульман приняли православие.⁵ В конце 2008 г., в аджарском селе Какути, недалеко от Кобулету, состоялась очередное массовое крещение населения в реке Чолохи. Было крещено, согласно сообщению ок. 200 чел.⁶ Конечно, здесь необходимо учитывать и тот момент, что в серии подобных победных сообщений о крещении сотен человек, зачастую из контекста не совсем понятно следующее: из крестившихся сколько являлись на самом деле мусульманами, а сколько – просто некрещеными, но считающими себя христианами людь-

ми? Чудеса прозелитизма, о которых повествуя обе стороны, сильно напоминают информационную войну. Как отмечает М. Пелкманс «Хотя церковь могла интерпретировать многочисленные крещения (подсчет действительного числа весьма варьируется) в качестве подтверждения своей надежды в том, что аджарцы скоро «возвратятся к христианству», однако, эти крещения трудно не рассматривать в качестве удобной возможности (населения) к адаптации времени, или же в качестве символического жеста по направлению к националистическому движению».⁷ Но, в любом случае, периодичность подобного рода мероприятий свидетельствует об активности ГПЦ, хотя бы, на пропагандистско-информационном уровне.

В данном контексте хотелось бы отметить, что, по всей видимости грузинским руководством и грузинской православной церковью преследуются 2 основные цели:

1. Минимизировать воздействие исламского фактора в Аджарии
2. Решить давнюю проблему грузинской государственности, а именно – собрать все грузинские субэтноты вокруг идеи православного единства (конфессиональный аспект программы огрузинивания), реализовав тем самым выдвинутую когда-то И.Чавчавадзе формулу: «Единое отечество, язык, вероисповедание».

В любом случае, деятельность и тех и других, была очень мало связана, или, по крайней мере способствовала решению не религиозных, а политических вопросов, когда смена религии (конфессиональный компонент) должна была параллельно фиксировать и смену в национальной или политической идентификации, что, по замыслу проводивших на данном поприще активные мероприятия православных или исламских деятелей, должно было означать одно и то же. Как отмечали О.Зоидзе и Д. Бердзенишвили: «Сегодня в Аджарии усиление активности христианства и мусульманства очень слабо связано с религиозностью, а более является проявлением осмысления религии, как фактора, определяющего национальную идентификацию. Для той части аджарцев, которая считает себя автономной частью грузин, сохранение мусульманства отождествляется с сохранением и утверждением данной автономности. Однако для другой части аджарцев, христианство является средством преодоления данной автономности...».⁸

¹<http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=363&did=1286;www.georgia-orthodoxy.ru.03.06.2004.>

² см.: В Аджарии крестились еще 200 мусульман. <http://www.sedmitza.ru/news/306842.html>; <http://www.georgia.orthodoxy.ru/calendar00.htm>. 18.06.2004.)

³ www.adjara.gov.ge.08.05.2007

⁴ В Аджарии крещение приняли 50 грузинских мусульман. www.newsgeorgia.ru. 27.05.2006.

⁵ Nicolas Landru, In Georgia Religious Minorities Remain in the Shadow. www.caucas.com.08.02.2007.

⁶ Массовое крещение в Аджарии. <http://www.patriarchia.ru/db/text/468845.html>. 1 октября 2008.

⁷ Mathijs Pelkmans, Baptized Georgian: Religious conversion to Christianity in Autonomous Ajara, in max Plank Institute For Social Antropology Working Papers, No 71, p.3.

⁸ Зоидзе О., Бердзенишвили Д. Противостояние между Тбилиси и Батуми, или о проблемах собранности нации и

На сегодняшний день, когда ажиотаж вокруг религиозной сферы, а вместе с тем и интерес, немного поутих, эксплуатация религиозного фактора не является столь эффективной. Косвенно об этом свидетельствовали и слова муфтия Цетхаладзе, констатировавшего снижение турецкого интереса к религиозным нуждам мусульман Аджарии.¹ Но еще в большей мере, это было связано со сменой методов во внешней политике Турции. Активная деятельность ГПЦ поддержанная на начальном этапе правительством М. Саакашвили, полномасштабная поддержка США, нежелание портить взаимоотношения с РФ, в определенном смысле заставили пересмотреть политику Турции в отношении Аджарии. После 2004г., последняя начала тихо осуществлять экономическую экспансию в Аджарию и параллельно, поставила целью увеличение геополитической и геоэкономической зависимости Грузии от себя. После модернизации Батумского порта, роль его должна была возрасти, однако данная вероятность не вписывалась в геополитические и геоэкономические интересы Турции. Еще более очевидным это стремление обнаружилось после подписания договора о строительстве КАТБ. В кулуарных разговорах доминировало то убеждение, что проект этот был навязан Грузии в обмен на поставки азербайджанского газа, т.е. именно тогда, когда наступил очередной виток напряжения в грузино-российских отношениях.. И потому, после августовской войны 2008г., вопрос статуса Аджарии турками официально не увязывался с вопросом сохранения на его территории мусульманского населения. Более того, на официальном уровне о нем практически не было сказано. В ответ на действия М. Саакашвили и в определенной мере ГПЦ, нацеленные на фактическое уничтожение автономии, Турция ответила попыткой поставить Грузию в целом, и Аджарию в частности, в геополитическую зависимость от себя. Появлявшиеся в прессе сообщения о возможности фрагментации, или федерализации Грузии (в том контексте, практически одно и то же), отражали в первую очередь фобии

полноте государства// Центральная Азия и Кавказ. № 2 (8), 2000, стр. 216-217.

¹ Грузинский муфтий просит о помощи, жалуясь на невнимание Турции <http://islam.com.ua.05.11.2009>.; Так, при посещении детского приюта в Батуми (75 сирот), сотрудники ИНН Humanitarian Relief Foundation, в рамках программы помощи Рамадан, обнаружив, что многие из этих детей являлись из семей мусульман-грузин, высказали удивление, почему ими не занимаются турки. (Cüneyt Kılıç Adjarian Muslims: forgotten people. <http://www.ihh.org.tr/seychatname-ayrintilar.50+M508c01c6d21.0.html?&L=1> 22.10.2007; <http://www.ihh.org.tr/news-en.49+M5614a3b7729.0.html?&L=1>).

представителей грузинского политического истеблишмента, косвенно свидетельствующих о том, что в грузино-турецких отношениях, несмотря на дружественные улыбки и заверения. Тем не менее далеко не все в порядке. Так, например, один из лидеров Республиканской партии Грузии Давид Бердзенишвили, в одном из своих интервью отметил: «Ведь в азербайджанской и турецкой прессе появились статьи, которых до августа не было. Одна аналитическая группа, которая серьезно работает с партией Эрдогана, опубликовала недавно доклад примерно такого содержания. По Карскому договору 1921 года Турция является гарантом Аджарской автономии. А вот когда в 2004 году Саакашвили практически упразднил эту автономию, мы это проглотили и неправильно поступили. А сейчас, если будут серьезные проблемы в Грузии, мы должны вспомнить о своих обязанностях по Карскому договору».²

То, что в Аджарии не произошло до сих пор какого-либо взрыва на этно-конфессиональной почве (несмотря на все неосторожные, а во многом и опасные действия противоборствующих сторон), во многом – заслуга самих аджарцев, у многих из которых в предках имеются как христиане, так и мусульмане, однако, учитывая специфику турецкой политики и эмоциональность грузинской стороны, возможности осуществления опасных сценариев исключать нельзя.

The Turkish-Georgian Relations in the Context of Ethno-confessional Policy of Turkey in Adjara and the Activity of Georgian Orthodox Church

Vladimir Ivanov

This article assesses the Turkish-Georgian relations drawing on the ethno-confessional situation in Adjara. The question of Adjara has time and again resurfaced in their bilateral relations stirring further mistrust. The presence of a large body of population practising Islam in this territory has closely been intertwined with the preservation of the Adjarian autonomy by the Turkish side. Accordingly, the Turkish side has conditioned its right of intervention with reference to the relevant provisions of the Treaty of Kars of 13 October, 1921. For its part, Georgia (its secular authorities and the Gergian

² Алленова О. Саакашвили не способен сохранить Грузию как государство. «КоммерсантЪ Власть». 06.04.2009.

Orthodox Church in particular) has done everything possible to facilitate the return of the population practicing Islam in Adjara to Christian sources and, thereby, render the autonomy void by undermining the Turkish influence in the region. The foregoing account leads to the conclusion that the religious revival of Adjara in the late 1980s and beginning of 1990s has had wide political connotations.

As of today, the issue of Adjara, despite the loss of interest in religion and against the backdrop of statements regarding the Turkish-Georgian friendship, can resurface as a stumbling-block in their bilateral relations due to major geopolitical shifts.